

С.А.Маленко, А.Г.Некита

ПРОТИВОСТОЯНИЕ «ОТЦОВСКОЙ» МОСКВЫ И «МАТЕРИНСКОГО» НОВГОРОДА: БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПСИХОИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ

Статья посвящена анализу бессознательной конкуренции «Отцовской» Москвы и «Материнского» Новгорода в истории становления самодержавной власти в России. Архетипическая конкуренция «имперского» и «софийного» сценариев психологии средневековой России основана на изучении психобиографии царей Ивана III и Ивана IV, митрополита Зосимы, Иосифа Волоцкого, Нила Сорского, митрополита Макария, Адашева и Сильвестра. Вызревшая в середине XVI века самодержавная модель Ивана IV отрицает «материнскую», софийную модель Новгорода как союз государства и церкви. На этой почве возникает конфликт Ивана IV с Новгородом, который был основан на необходимости духовной и державной соборности. В этой модели Царь, как «Отец», хочет соединять функции государственной и церковной власти. Эта идея создает условия для сакрализации самодержавия на Руси, а Царь-Батюшка становится его архетипическим символом, что позволяет понять особенности русского коллективного бессознательного.

Ключевые слова: психология самодержавия, психобиография, бессознательное, архетип, русская ментальность

Модель самодержавной власти в России — одна из старейших форм социальной организации, отдельные черты которой формируются еще в XV—XVI веках. Ее историческая актуальность была обусловлена не только характером внешнеполитических и внутривосточных противоречий, но, на наш взгляд, была обусловлена и скрытыми, неосознаваемыми первопричинами, связанными с индивидуальными и социальными потребностями в персонализированной защите правящей элиты и народа, олицетворяемой, в первую очередь, царем-монархом.

Какими же чертами должна была обладать его самодержавная власть? В первую очередь, это независимость, как во внутренней, так и во внешней политике, а также на всех уровнях принятия и реализации политических решений, вплоть до единоличного контроля за их исполнением. По мнению Р.Г.Скрынникова, впервые в истории Московского государства именно Иван III принял титул самодержца, который «символизировал, прежде всего, независимость от Орды. В нем отразилась также огромная власть, которой стали пользоваться государи всея Руси» [1]. К тому же это стремление к централизации было перенесено Иваном III в сферу государственного управления из принципов управления армией. «Иван III отлично справлялся с задачами обороны страны и вел к тому же масштабные наступательные войны в условиях еще меньшей централизации во всем» [2].

Позиционируя себя как сильного и властного правителя, Иван III не ограничивался практикой физического принуждения для установления желательной формы правления. Он был одним из первых правителей на Руси, который осознал значимость установления самодержавного контроля и над духовной жизнью общества. Именно поэтому византийские аналогии с функциями императора становились для царя весьма значимыми, что обернулось стремительным вмешательством Ивана III даже и «в церковные дела» [1, с. 81].

Святитель XV века Зосима сравнивает Ивана III с византийским императором Константином, считая, что царь превращает Москву в новый Константинополь. Зосима прославляет «просиявшего, благоверного и христолюбивого великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, нового царя Константина, новому граду Константину — Москве...» [1, с. 114]. По сути, подобные идеи оформились как раз под влиянием новгородских ересей, к которым митрополит Зосима питал особое расположение.

Как известно, московские и новгородские вольнодумцы отрицали миф о втором пришествии «и не сомневались, что народ обратится к ним, когда увидит их правоту» [1, с. 115]. Но в какой-то момент Зосима потерял влияние на Ивана III, что, собственно, во многом повлияло на утрату им митрополичьего престола. Новгородский летописец тогда очень точно отметил: «Зосима остави митрополию не своею волею, но непомерно пития держашеся и о церкви божьей не радяще» [1, с. 116]. По мере нарастания активности государства, усиливается и активное сопротивление вмешательству государства в дела церкви. Так новгородский владыка начала XVI века Серапион, оценивая деятельность старца Иосифа Санина, вполне обоснованно считал, «что еси отда свой монастырь в великое государство, ино то еси отступил от небесного, а пришол к земному» [1, с. 137].

Царская власть постепенно становится все многосторонней и всеохватывающей, настойчиво напоминая обычным людям об извечной потребности человека в отцовской защите и покровительстве, справедливости и истине. Таким образом, именно при Иване III в основу концепции становящегося московского самодержавия, как практической реализации «Отцовской» модели организации патриархального по сути своего социального пространства, ложится концепция Иосифа Волоцкого. Она не только освящает необходимость такой модели отцовской опеки, в рамках которой бы утверждался и развивался тесный союз церкви с государством, но и настаивает на ее полном и безусловном подчинении великокняжеской власти. Старец Иосиф Волоцкий (Санин)

говорил, что русского государя «господь бог устроил вседержатель во свое место и посадил на царском престоле... и всего православного христьянства вся Русския земля власть и попечение вручил ему» [1, с. 138]. В то же время, тот же Санин отстаивал неприкосновенность монастырского имущества как знак автономии старых родовых авторитетов. Таким образом, «доктрина стяжательства Иосифа Волоцкого [...] превращается из частной церковной практики в общегосударственную идеологическую и политическую стратегию» [3].

Следующим этапом в становлении самодержавной модели в России является XVI век с его масштабными геополитическими изменениями. И православная церковь в этих процессах сыграла немаловажную роль. Здесь нельзя не вспомнить активную «отцовскую» деятельность митрополита Макария, который всячески поддерживал воцарение Ивана IV и выступил для молодого наследника заботливым духовным пастырем. Так для митрополита Макария самодержавие связывалось не только с независимым и централизованным государством, но, в первую очередь, с торжеством православной веры на определенной территории. Именно поэтому, он на торжественной церемонии принятия титула царя Иваном IV, назвал его «богом возлюбленным», «богом избранным», «богом венчанным» православным царем.

Продуктивный союз государства и церкви в это время воспроизводится в софийной модели новгородской политической жизни, где не существовало формального противопоставления церковного и светского лидера. Сформированный в этих традициях молодой Иван IV понимает не только необходимость церковной опеки, но и, со временем, приходит к выводу о необходимости духовной и державной соборности — то есть, соединения в одном человеке функций государя и митрополита. Это приводит формированию сакрального понимания самодержавия как единоначалия и самовластия. Осознание этого факта особенно проявилось в жалобах Ивана Грозного на деструктивную для самодержавности власти деятельность «дуумвирата» А.Адашева и Сильвестра. Царь с обидой пишет о них: «сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом аз был государь, а делом ничего не владел» [1, с. 196]. В силу этого в монархической модели Грозного по мере его физического и нравственного взросления все более появляется насыщенный компонент — самодержавность предполагает всесильность правителя в решении любых вопросов, относящихся как к государству в целом, так и к отдельным подданным. Такие выводы Грозный сделал под влиянием Сильвестра, уроки которого сформировали у царя мнение о том, что «Бог ему вручил эту власть, а предки “благословили” ею» [2, с. 300], кроме того, «нарек тя... начальника, судию и пророка» [4], «...вождя и учителя всемирна» [4, с. 104].

В то же время многие авторы считают, что введение в 1564 году опричнины как раз и выражало самодержавное, по сути, стремление Ивана Грозного к окончательному отделению Боярской думы от управления страной. Известный историк Б.Н.Флоря отмечает в качестве причин такого курса, глубокий кризис доверия Грозного к собственному двору, его стремление предотвратить боярскую измену и желание противопоставить себя «старому» двору, путем создания двора «нового», способного действительно противостоять измене. Он, в частности, пишет: «...суть нового режима, установившегося в России с начала 1565 года, состояла в создании особого, подчиненного только царю двора и особого дворянского войска, которое было наделено особыми правами и привилегиями, размещено на особых, выделенных для этого землях и с помощью самых разных мер отделено незримой, но порочной стеной от всего остального дворянства страны» [4, с. 184]. В совокупности единоначалие и военная сила государя создают условия для его самодержавного, субъективного произвола, ограничивающего, либо делающего абсолютно бессмысленной родовую систему законодательства и многовековые традиции. И та же опричнина как нельзя лучше продемонстрировала, что самодержавие является формой неограниченной власти, что обуславливает формирование, в том числе, и ее абсолютно отрицательных измерений: террора, тирании, деспотизма и т.д.

Окончательное оформление «отцовской» модели самодержавия, как ни странно, связывается с необходимостью преодоления активного сопротивления церковной элиты и боярской аристократии. По словам самого Грозного, одной из решающих причин его демонстративного удаления в Александровскую слободу в декабре 1564 года (в которой «все было устроено по типу иноческой обители — палаты, кельи, великолепная крестовая церковь (каждый ее кирпич был запечатлен знамением Честнаго и Животворящего Креста Господня)» [5]) стала позиция церковных иерархов, противостоящих царю в его борьбе с «изменниками» страны, на защиту которых поднимались церковники, представители боярской и дворянской партий. Грозный прямо указывал, что «...архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми, почали по них... царю и великому князю покрывати» [6].

Вообще, доминанта светского над религиозным в самодержавной модели управления Грозного приобретала все более силовой характер, направленный на символическую дискредитацию церкви и священнослужителей. Подобная практика разрушения родового уклада, свидетельствовала о фатальном разрыве Ивана Грозного с церковью, вела к окончательному разрушению веры в актуальность церковных авторитетов. Это в равной степени относилось к трагической кончине митрополита Филиппа, сосланного Грозным в Тверской Отроч монастырь, или к организованной царем шутовской свадьбе новгородского архиепископа Пимена с кобылой. Как известно, Пимена обвинили в заговоре с Василием Даниловым, который, вместе с конюшенным Федоровым возглавил московскую боярскую комиссию. Верхом шутовства и самоговора, однако, с глубоким геополитическим подтекстом, можно считать и признание Данилова в том, что он-де состоял в опасном сговоре с новгородской аристократией и со всеми жителями Новгородско-Псковской земли, составляющей, по мнению исследователей, на тот период, не менее одной трети всей территории Московского государства.

Вспомним, при Иване III в ходе религиозных дискуссий иосифлян и нестяжателей формируется идеологический фундамент будущего российского самодержавия в границах и традициях Московского государства. А решающая победа иосифлян над сторонниками Нила Сорского ознаменовала новый этап этого длительного исторического процесса, который в период Ивана Грозного получает многостороннюю практическую апробацию. Однако в тот период самодержавная модель Грозного еще была во многом обусловлена родовыми традициями Древней Руси, одним из наиболее ярких символов которого как раз была новгородская вечевая вольница. В то же время, личная драма самого Грозного создает условия для рокового разрыва становящейся идеологической доктрины самодержавия с семейно-родовыми, демократическими, вечевыми и софийными принципами.

Таким образом, именно самодержавная модель Ивана Грозного была еще во многом привязана к традиционному, родовому укладу. Это выражается как в наличии принимающих государственные решения консультативных органов, опирающихся на родовую аристократию, так и в советах и увещаниях духовников и священников. Парадоксально, но примерно к таким же формам зрелое российское самодержавие придет только на рубеже XIX—XX веков. Как раз в это время и появляется софиология как необходимая бессознательная компенсация идеологического обоснования вновь организованных в рамках земской реформы, институтов государственного управления.

После Ивана IV происходит окончательно забвение родовых принципов функционирования в системе государственного управления. Смутное время и смена правящей династии окончательно освобождают российскую власть от отягощения вечевыми традициями Великого Новгорода и патриархальной, религиозно-теократической утопии Ивана Грозного. Насильственные способы решения социально-политических, экономических и национально-религиозных противоречий в условиях постоянной внешней угрозы и непрерывных войн, сформировали особую практику государственного управления громадными территориями.

Так, по мнению Д. Володихина, «...именно войны, военная организация и военное дело объясняют все важнейшие повороты в царствовании Ивана IV. Историки разных времен искали то в социальном, то в экономическом развитии страны причины реформаторской деятельности, воздвижения опричнины и самодержавных устремлений Ивана IV, или же, соблазнившись психоаналитическими домыслами, диагностировали у самого царя признаки сумасшествия. Но, кажется, основа всего — географическое положение Русской цивилизации, в силу которого она вынуждена была воевать очень много, и все её внутреннее устройство в значительной степени «заточено» под масштабные военные усилия, предпринимаемые регулярно» [2, с. 53].

Осознание этих реальностей наступило достаточно быстро — институализация крепостничества уже в начальный период властвования династии Романовых является неопровержимым свидетельством доминирования идеи самовластного принуждения в идеологии и конкретных практиках самодержавия. Ее зрелые формы появляются под грохот баталий Северной войны, в эпоху Петра Первого, когда родовой, славянофильский элемент российской цивилизации был практически окончательно замещен западным и институциональным.

Так конспективно можно представить психоисторию становления самодержавной модели в системе государственного управления в России. На протяжении веков российское государство трудно и кроваво эволюционировало от модели государственного управления как выражения архетипической заботы и опеки, к модели силового принуждения как наиболее формального и механистического принципа социальной организации. В то же время, именно самодержавное государство выступает на тот период объективированной формой архетипа Самости, символом «торжества веры и праведности, стойкости и величия» [7], которая воспроизводит принцип самодержавия как универсального абсолюта, в том числе, и в отношении закономерностей развития личности и ее сознания. Самодержавный царизм, выражая властную стратегию централизации и рационализации моделей управления социокультурным пространством, безусловно, является символом феноменологии архетипа Отца. И если Отчизна и Держава являются психическими формами реализации бессознательных содержаний архетипа Отца (Светлый Отец), чье конструктивное, символическое действие выражается в упорядочивании, консолидации, проектировании общего благополучия Рода. То Российское самодержавие, как деструктивный символический, институализированный образ архетипа Отца (Темный Отец), направлено на унификацию, жесткий контроль, монополию в организации и развитии социальных приоритетов в жизни Рода, который заменяется государственной институализацией клановой формы присвоения и перераспределения всех доступных природных, социальных и символических ресурсов. Поэтому феноменология Самодержавной Власти как символа Темного Отца всегда будет выражаться в авторитарных, силовых и деспотических формах, поскольку он требует беспрекословного подчинения самовластью.

Царь-Батюшка как наиболее зримый символ российского самодержавия не только является наиболее популярной в народе символической персонификацией, но максимально доступно выражает феноменологию архетипа Отца, окрашивая модели управления индивидуально значимыми, сильными и нуминозными переживаниями, но и позволяет понять направленность развития ментальных процессов в русском коллективном бессознательном. Именно Царь-Батюшка является типично-домостроевским символом самодержавного управления, выдвинутым Москвой в качестве российской общекультурной доминанты, бессознательный потенциал которой и до сегодняшнего дня не утратил своей актуальности. Это «открывает

фактически безграничные возможности тотального, принудительного, но родительского «исповедования» русского человека по поводу «лояльности» государственной идеологии» [3, с. 247].

В то же время, диалектически ориентированная, новгородская модель власти, не отрицая архетипической символики отцовского управления, идеологически обосновывает это софийной мифологией как развернутой феноменологией архетипа Матери. Потому-то именно её московские государи первоначально трансформировали из богородичных культов в успенские, а затем и в тринитарную православную доктрину, окончательно вытеснив материнские начала в российской власти. В своих зрелых формах она сначала артикулировалась в исторической преемственности формул митрополита Зосимы, развитой, затем, старцем Филофеем — «Москва — Третий Рим» (начало XVI века); митрополита Макария — «Симфония Церкви и Государства» (середина XVI века) и министра просвещения С.Уварова — «Самодержавие — Православие — Народность» (1834 г.).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «"Материнский" Новгород и "отцовская" Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности», № 16-13-53001.

1. Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990. С. 80.
2. Володихин Д.М. Иван IV Грозный. М.: Вече, 2010. С. 290.
3. Некита А., Маленко С. Архетипическая вера и ее адепты: драма становления религиозного идеала и русский путь его достижения // Бренное и вечное: имперский синдром: идеология, мифология и социокультурная практика: Материалы Всерос. науч. конф. 3—4 декабря 2013 г. / Редкол. А.Г.Некита, С.А.Маленко, А.А.Кузьмин, Г.Э.Бурбулис, Ю.В.Синеокая, А.П.Донченко; НовГУ. Великий Новгород, 2014. С. 253.
4. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2002. С.103.
5. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладозский. Самодержавие духа. Основы русского самосознания. СПб., 1997. С. 55.
6. Продолжение Александров-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 342.
7. Некита А.Г. Архетипы «Матери» и «Самости»: иноческая модель сакрализации природы Новгородской земли // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (87), часть 1. С. 118.

References

1. Skrynnikov R.G. Svyatiteli i vlasti. L.: Lenizdat, 1990. S. 80.
2. Volodikhin D.M. Ivan IV Groznyy. M.: Veche, 2010. S. 290.
3. Nekita A., Malenko S. Arkhetipicheskaya vera i ee adepty: drama stanovleniya religioznogo ideala i russkiy put' ego dostizheniya // Brennoe i vechnoe: imperskiy sindrom: ideologiya, mifologiya i sotsiokul'turnaya praktika: Materialy Vseros. nauch. konf. 3—4 dekabrya 2013 g. / Redkol. A.G.Nekita, S.A.Malenko, A.A.Kuz'min, G.E.Burbulis, Yu.V.Sineokaya, A.P.Donchenko; NovGU. Velikiy Novgorod, 2014. S. 253.
4. Florya B.N. Ivan Groznyy. M.: Molodaya gvardiya, 2002. S.103.
5. Vysokopreosvyashchennyshiy Ioann, mitropolit Sankt-Peterburgskiy i Ladozhskiy. Samoderzhavie dukha. Osnovy russkogo samosoznaniya. SPb., 1997. C. 55.
6. Prodolzhenie Aleksandro-Nevskoy letopisi // Polnoe sobranie russkikh letopisey. M., 1965. T. 29. C. 342.
1. Nekita A.G. Arkhetipy «Materi» i «Samosti»: inocheskaya model' sakralizatsii prirody Novgorodskoy zemli // Vestn. Novg. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2015. № 4 (87), chast' 1. S. 118.

Malenko S.A., Nekita A.G. "Father" Moscow vs "Mother" Novgorod: the unconscious fundament and psychohistory of autocracy's development in Russia. The article is devoted to analysis of unconscious competition "Father" of Moscow and "Mother" Novgorod in the history of autocratic power in Russia. The archetypal competition "Imperial" and "Sophist" scenarios of psychohistory medieval Russia based on the study of psychobiography tsars of Ivan III and Ivan IV, Metropolitan Zosima, Joseph of Volokolamsk, Nilus of Sora, the Metropolitan Macarius, Adasheva and Sylvester. Autocratic model of Ivan IV does not involve the "parent", sophistic model of Novgorod as the Union of Church and state. The conflict of Ivan IV and Novgorod is based on the need of the spiritual, and the sovereign of catholicity. The king as the "Father" wants to combine the functions of state and Church authorities. This is the beginning of the sacralization of the autocracy in Russia. The king's Father becomes the symbol that allows us to understand the peculiarities of the Russian collective unconscious.

Keywords: psychohistory autocracy, psychobiography, the unconscious, the archetype, the Russian mentality.

Сведения об авторах. С.А.Маленко — доктор философских наук, доцент, заведующий отделением философии и культурологии, заведующий кафедрой теории, истории и философии культуры, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, olenia@mail.ru; А.Г.Некита — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории, истории и философии культуры, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, beresten@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.11.2017.